

История

УДК 671.1, 7.02, 7.032, 7.04, 74
ББК 63.443.2, 85.12
DOI: 10.51678/2073-316X-2025-3-54-75

Софья Зинченко, Галина Колганова

Браслет с наконечниками в виде головок львов из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина: предварительная атрибуция

Цель исследования — уточнение атрибуции браслета из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. Детальное описание позволило определить круг наиболее релевантных аналогий. Для удобства работы они были поделены на три группы. В первую вошли предметы, близкие по способу оформления основы обруча браслета, во вторую — по способу оформления окончаний браслетов в виде головок львов, в третью — по способу оформления фризов втулки. В результате была подтверждена предварительная дата создания браслета — IV в. до н. э. и высказаны предположения о месте производства. Учитывая качество исполнения браслета можно предполагать, что он выполнен непосредственно в мастерских Боспора местным мастером либо изготовлен под влиянием греческих ювелиров в сопредельных центрах Северного Причерноморья.

Ключевые слова:

древнегреческие украшения IV в. до н.э., Северное Причерноморье, Боспорское царство, античное ювелирное искусство, археология.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 2021 году из частной коллекции в ГМИИ им. А. С. Пушкина поступил золотой витой браслет с окончаниями в виде львиных голов. (Ил. 1.)

В карточке музейного предмета указано, что основа браслета представляет собой квадратный в сечении стержень, обвитый кручеными жгутами из широкой гладкой и узкой рубчатой проволоки, заполняющей углубления между широкими полосами. Окончания браслета оформлены в виде львиных головок с гривой, переданной тремя двойными рельефными полосками, и высунутым в раскрытой пасти между клыками языком. Втулки окончаний, закрепленные заклепками, украшены фризом из пальметт, в нижней части втулки узкие пояски рубчатой и гладкой проволоки и поясок ов. Размеры браслета: максимальный диаметр 76 × 46 мм, длина наконечника 24 мм, длина львиной головки 90 мм, толщина обруча 5 мм. В качестве техник исполнения заявлены зернь (имитация) и филигрань.

При поступлении браслета в коллекцию музея было зафиксировано следующее состояние его сохранности: браслет разделен на две части; обруч браслета деформирован в трех местах — на этих участках повреждены витая проволока (широкая и узкая рубчатая) и стержень-сердечник; от обруча отделен небольшой фрагмент узкой рубчатой проволоки, располагавшейся между валиками широкой проволоки; одна из львиных головок деформирована. Кроме того, на поверхности окончаний браслета зафиксирован характерный светлый налет¹.

1 Наличие подобного налета отмечают Д. Огден и Д. Уильямс в описании золотого браслета с протомами сфинксов из собрания Государственного Эрмитажа, заявляя, что присутствие следов материала белого цвета характерно и для других греческих изделий [9, с. 141]. По мнению Р. С. Минасяна, «обычно внутри них (греческих ювелирных изделий. — С.З., Г.К.) заполнение <...> бледно-серого или бледно-розового цвета. Возможно, это гипс с мраморной крошкой, или нечто иное. Античные мастера часто заполняли этим веществом <...> объемные тонкие предметы для предохранения их от случайных повреждений при использовании» [7, с. 364].

1. Браслет из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. II.1.е 3284

При поступлении браслета в коллекцию ГМИИ было отмечено, что внешне близкие по технике исполнения предметы представлены браслетами, происходящими из курганов на Темир-Горе, Куль-Оба, Большая Близница, Старшего Трёхбратнего, а также гривнами из курганов Куль-Оба, Солоха, пекторалью из Толстой Могилы².

Первичный визуальный анализ позволил высказать мнение о том, что рассматриваемый браслет принадлежит к типу несомкнутых браслетов с зооморфными окончаниями³ и мог быть выполнен из желтого металла (золото?) на Боспоре и датирован IV в. до н. э. Дальнейшая работа с рассматриваемым предметом поставила следующие вопросы: уточнение материала, техники исполнения, а также предварительная атрибуция, связанная с определением возможного места производства и времени исполнения.

ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Для тщательной атрибуции браслета необходимо детально описать памятник как в целом, так и по отдельным значимым деталям.

Согласно Акту первичной ювелирной экспертизы № 37 от 26.12.2022 г., проведенной Федеральной пробирной палатой, были подтверждены предположения о материале (золото), уточнены проба (833°) и вес браслета (64,82 г).

Как было отмечено в карточке музейного предмета, основу браслета составляет цельный квадратный в сечении стержень-сердечник, обвитый кручеными жгутами из широкой гладкой и узкой рубчатой проволоки, заполняющей углубления между широкими полосами. (Ил. 2.) По мнению эксперта В. А. Соничевой, стержень-сердечник также выполнен из золота, но менее высокой пробы в отличие от обвиняющих его проволочных жгутов⁴. Измерения, проведенные на специальном приборе, показали⁵, что высота незначительной по толщине листа широкой гладкой и выпуклой проволоки более или менее однородна по всей ее длине и составляет около 1,9–2 мм. Высота узкой рубчатой проволоки — около 0,9–0,6 мм. Толщина обруча браслета в сохранных местах также более или менее однородна и варьируется незначительно, составляя в среднем 5,5–5,7 мм. Детальное исследование основы браслета может указывать на то, что изделие выполнено достаточно качественно и при его производстве применялись устоявшиеся, отработанные технологические приемы.

Благодаря деформации хорошо видна техника исполнения обруча браслета. Она позволяет соотнести анализируемый предмет с близким типом тех вариантов витой конструкции⁶, которая использовалась

2 См.: [9; 15; 5; 4].

3 Как полагает Ю. П. Калашник, данный тип «был заимствован греками из репертуара ближневосточного искусства и надолго стал излюбленной формой наручного украшения» [5, с. 80].

4 Данное мнение было высказано в устной беседе хранителю браслета Г. Ю. Колгановой.

5 Съемка производилась на микроскопе *Hirox Digital Microscope HRX-01/RX-100*.

6 Следует отметить, что В. Г. Петренко подобные браслеты относит к единичным экземплярам, «которые, вероятно, не должны выделяться как типы, так как представляют собой чисто греческие изделия... <...> и не ставшие сколь-нибудь характерными для каких-либо групп памятников» [10, с. 56]. Л. И. Бабенко указывает на то, что несмотря на многочисленность витых и ложновитых украшений среди продукции боспорских мастеров возможно провести их типологизацию по видам конструкции, выделив три типа» [3, с. 493].

при изготовлении украшений, в основном гривен и браслетов. По классификации витых украшений, предложенной Л. И. Бабенко, наиболее близок к рассматриваемому браслету первый тип [2, с. 13; 4, с. 493]. Его отличительные особенности: «...жгут украшений <...> состоит из витого бронзового стержня, обложенного тонким золотым листом, повторяющим его рельеф» [1, с. 32]. В анализируемом предмете, вероятно, стержень-сердечник не был витым. В пользу этих предположений может свидетельствовать то, что на месте слома видно, что обтяжка выполнена полосками притянутого на вальцах металла, а затем полоски спаяли прямо на основе. Если бы основа была витой, примыкание к ней полосок было бы плотным, что предельно затруднило бы пайку⁷.

Размер наконечников браслета в виде львиных голов в высоту составляет около 10,7 мм, в ширину — около 10,3 мм. При изготовлении львиных голов, вероятно, использовался так называемый формер⁸. По мнению Р. С. Минасяна, «большая часть таких (античных. — С. З., Г. К.) украшений сделана из двух половинок, спаянных вместе. Исследователи полагают, что эти вещи оттискивались или в матрицах с негативными изображениями, или правой или левой стороной формеров» [7, с. 356].

С большой долей вероятности можно предположить, что оттиск производился по формам с сильно редуцированными деталями. Так, грива у львов (ил. 3) передана очень условно в виде шести параллельно расположенных рядов выпуклых точек, а уши уподоблены полуовальному элементу. Объем этих деталей незначителен и несамостоятелен, в результате чего они слиты друг с другом в единую массу, отдельные части которой плохо расчленены между собой, напоминая цельную орнаментальную зону. Как отмечает Р. С. Минасян, «изображение на рабочей части матрицы-формера делалось без скрупулезной точности <...>. Этот инструмент применялся только для создания схематичного образа изделия. Чистовая отделка изделия производилась уже после снятия обкладки с матрицы и спайки половинок» [7, с. 364]. Возможно, в анализируемом памятнике чистовая отделка не была проведена или же,

7 Выражаем признательность за это уточнение Г. К. Аслияну.

8 Как отмечает Р. С. Минасян, формеры «являются не чем иным, как матрицей <...>. Они представляют собой литой бронзовый стержень с наконечником в виде миниатюрной скульптуры: головки животного или человека. После находки в Лидии партии таких инструментов стала очевидной их причастность к изготовлению фигурных пустотелых деталей, которые есть на античных украшениях <...>» [7, с. 356]. Как пример формера Р. С. Минасян приводит наконечник бронзовой матрицы из поселения у села Драгоева, датируемый IV–III вв. до н. э. [7, с. 357, ил. 148, 1].

2. Браслет из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина
Фрагмент основы

3. Браслет из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина
Наконечник и втулка

что маловероятно, проведена не тщательно. На это указывает отсутствие детальной проработки отдельных элементов наконечников.

Более объемно при оттиске частей морды зверя проработаны глазницы, скулы, ноздри, ощеренная пасть с клыками и высунутым языком. (Ил. 4–5.) Несмотря на малые размеры этих элементов⁹, в их обработке следует отметить меньшую склонность к орнаментализации и определенную гипертрофию отдельных деталей по отношению к целому. В нижней части морды заметны следы соединительного шва, что может свидетельствовать о том, что головы львов, выполненные из листового золота, собирались из нескольких деталей с помощью последующей пайки¹⁰.

Наконечники в виде львиных голов соединены с обручем браслета орнаментированными втулками, место крепежа этих деталей друг с другом отмечено узким пояском рубчатой проволоки. Втулка, длиной около 14,4 мм, состоит из трех орнаментированных зон: широкой и двух узких. Широкая зона, высотой около 9,9 мм, декорирована двумя семилепестковыми пальметтами и спиралевидным орнаментом,

9 Длина высунутого языка около 2,7 мм, его ширина — около 2,8 мм, а расстояние между клыками, между которыми он помещен, — около 1,9 мм; размер клыка — около 0,9 мм, его высота — около 1,4 мм.

10 Об этой технологии см. подробнее: [7, с. 362, 364].

выполненными из тонкой витой проволоки и напаянными на основу золотого листа. В области этой зоны также видны достаточно крупные круглые заклепки диаметром около 2,4–2,5 мм, размещенные поверх орнамента, перекрывая его. Обращает на себя внимание способ исполнения пальметт: конфигурации их деталей не идентичны друг другу и представляют собой два варианта стилизации известного орнаментального мотива, повторяющихся в оформлении обеих втулок.

Размещенный под широкой зоной узкий фриз, высотой около 2,2 мм, состоит из пяти параллельных тонких проволок разного декора, напаянных на основу: двух гладких, между которыми размещена полоска с двумя плетенками, образующими елочный орнамент¹¹, и рубчатой. Второй узкий фриз, завершающий декор втулки, оформлен витой проволокой, напаянной на основу. Эта зона орнаментирована чередующимися овальными элементами, очень условно имитирующими поясок ов (ионик).

Проведенный анализ браслета позволил уточнить технику его исполнения, скорректировав предварительную информацию из карточки предмета. Полагаем, что более точно применяемые приемы можно описать следующим образом: басма, металлопластика, пайка, филигрань. Изготовление проволоки для филигрании, скорее всего, повторяло устоявшиеся при исполнении античных золотых украшений приемы. Д. Огден и Д. Уильямс полагают, что «проволоку меньшего диаметра (менее 1 мм)¹² делали из узких золотых лент, перекрученных по длине и затем прокатанных для уплотнения и разглаживания между двумя плоскими деревянными поверхностями» [9, с. 23]. Уточнение примененных при изготовлении браслета техник позволило исключить зернь (имитация), упомянутую в предварительной описи.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ АНАЛОГИЙ

Как справедливо отмечает М. В. Русяева, «определение автора каждого изделия и объединение их в отдельные стилистические группы, кроме

11 Как отмечают Д. Огден и Д. Уильямс, «две перевитые между собой гладкие проволоки принято называть плетенкой. Две такие плетенки, уложенные параллельно, но с противоположно направленными витками, образуют елочный орнамент» [9, с. 23].

12 В случае с анализируемым браслетом, исходя из проведенных замеров зон, состоящих из проволочного декора или включающих таковой, диаметр используемой проволоки соответствует этому размеру.

4–5. Браслет из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина
Наконечник

визуального осмотра, требует тщательного исследования с привлечением многочисленных аналогий» [12, с. 437–438]. Поэтому для дальнейшей атрибуции необходимо составить корпус аналогий, который следует разделить на несколько групп.

Первая группа: способ оформления основы обруча браслета в виде квадратного в сечении стержня, обвитого кручеными жгутами из широкой гладкой и узкой рубчатой проволоки

Подобная техника оформления обруча близка ряду ювелирных украшений как шейных (гривны), так и браслетов. Л. И. Бабенко отмечает, что витые и ложновитые украшения среди продукции боспорских мастеров достаточно малочисленны и известны в единичных экземплярах, при этом «конструкция витых жгутов <...> отличается разнообразием и представлена тремя различными по устройству типами» [3, с. 493]. Приведенное выше описание браслета позволило высказать предположение, что его обруч мог быть выполнен в несколько другой технике, напоминающей уже известные, но не идентичной им.

В качестве наиболее близких примеров в этой группе аналогий представляется необходимым упомянуть украшения, отнесенные Л. И. Бабенко к первому типу техники исполнения обруча¹³. По мнению исследователя, к этому типу относится утраченная, но известная

по описанию и восстанавливаемая по остаткам в срезе втулки основы гривна из кургана Куль-Оба [3, с. 493, 495, рис. 3, 1]¹⁴.

В качестве внешне близких по технике производства украшений Л. И. Бабенко считает жгуты парных браслетов с протомами сфинксов из Куль-Обы [3, с. 493, 495, рис. 3, 2–3; 9, с. 140–141, кат. 83; 263, кат. 199; 5, с. 122], а также жгуты браслетов, украшенных фигурками баранов и львиц из кургана Большая Близница [3, с. 493, 495, рис. 3, 5–8; 9, с. 182–183, кат. 118, 192–193, кат. 124; 5, с. 152, 173], и с наконечниками в виде львиных головок из Темир-Горы [3, с. 493, 495, рис. 3, 4]¹⁵.

Для анализа способов оформления обруча важно упомянуть и использование в ложбинках проволоки определенного типа — рубчатой. Среди приведенных выше аналогий подобный вариант проволоки встречается только в парных браслетах с протомами сфинксов из Куль-Обы¹⁶. Применение определенного типа проволоки в оформлении основы браслета может свидетельствовать либо о выполнении этого предмета в мастерских, не обладавших навыками исполнения иных техник, либо об имитации этих приемов, при этом не исключена и возможность взаимосвязи этих причин в выборе используемых вариантов декора.

Выделив конкретную технику оформления обруча как шейных украшений, так и браслетов в виде витых конструкций, интересно обратить внимание на то, что она использовалась при изготовлении перстней. Конструкции шинок ряда памятников близки по исполнению и представляют собой перевитые золотые стержни, в ложбинках

- 13 Следует обратить внимание на интересное замечание, высказанное Л. И. Бабенко по поводу этого типа исполнения обруча для украшений: «...подобная конструкция жгута проста технологически, однако распространения не получила либо из-за чрезмерного веса изделия, утяжеленного бронзовыми проволоками, либо по причине возможных сакральных функций украшения, требовавших изготовления украшения из чистого золота» [3, с. 495].
- 14 Как отмечает Л. И. Бабенко, «остатки жгута сильно корродированы, но все же отчетливо видно, что он состоял из 6 витых стержней подтреугольной в сечении формы, обтянутых тонким золотым листом, повторявшим рельеф витого жгута» [3, с. 495].
- 15 Описание используемых возможных технологических приемов при изготовлении обручей перечисленных памятников и разных точек зрения, связанных с их реконструкцией, см.: [4, с. 495–496]. См. также описания браслета из Темир-Горы, приведенные А. А. Виноградовым («*бронзовый, обложенный золотом браслет* (курсив наш. — С. З., Г. К.), украшенный львиными головками на концах» [3, с. 168]) и Э. В. Яковенко («пара массивных бронзовых браслетов из витой толстой проволоки, обтянутой золотом» [17, с. 260]).
- 16 Описывая технику исполнения обруча браслета из Куль-Обы, Д. Огден и Д. Уильямс указывают на то, что применение рубчатой, а не витой, проволоки необычно для ремени создания браслета (400–350 гг. до н. э.) [9, с. 140–141].

которых проложена рубчатая проволока. К этому кругу аналогий следует отнести перстни с изображением пальметок из некрополя Нимфея¹⁷ [5, с. 65] и с изображением Пенелопы из некрополя Пантикапея¹⁸ [9, с. 158, кат. 98; 5, с. 74–75] из собрания Государственного Эрмитажа; со щитком в виде лягушки¹⁹ из собрания Британского музея [9, с. 219, кат. 154]. Несмотря на то что перечисленные памятники не могут быть соотнесены с близким кругом аналогий, их упоминание важно с точки зрения анализа применения конкретной техники, а также ее распространенности в определенный период и возможности соотнесения с центрами производства, использующими близкие приемы.

О популярности применения определенного вида конструкции в виде витого/витых жгутов с рубчатой проволокой в ложбинках могут свидетельствовать и обручи, выполненные в другом материале, но стремящиеся внешне точно передать имитируемые образцы. Среди подобных изделий выделим следующие: браслет из Северной Греции с основой из стеклянной пасты синего цвета [20, р. 274, fig. 10; 18, р. 85; 9, с. 46, рис. 39] и парные браслеты с основой из горного хрусталя²⁰ из собрания Музея Метрополитен. В приведенных примерах основа копирует металлическую витую и дополнена обмоткой из золотой рубчатой проволоки.

Среди аналогий первой группы нет точного повторения тех технических решений, которые отмечены в описании анализируемого браслета. С одной стороны, это может подтверждать предположение о том, что находки подобных предметов хоть и малочисленны²¹,

- 17 Происходит из кургана 20, гробница 9. Место производства — Восточное Средиземноморье. Датировка — третья четверть V в. до н. э. [5, с. 65].
- 18 Раскопки А. Е. Люценко 1854 г. Датировка — середина V в. до н. э. [5, с. 74]. Интересны в связи с этим памятником замечания, высказанные М. Ю. Трейстером: «...основные находки из комплекса датируются в рамках 400–380 гг. до н. э. На этом фоне выделяются перстни, <...> относящиеся еще ко второй половине V в. до н. э. и, возможно, являвшиеся семейной реликвией» [16, с. 52]. Д. Огден и Д. Уильямс отмечают, что отделка шинки данного перстня аналогична трем находкам из погребений конца V в. до н. э. из Эретрии [9, с. 158].
- 19 Происхождение не установлено, предположительно изготовлен в мастерской на Сицилии. Датировка — 400–350 гг. до н. э. [9, с. 219].
- 20 Происходят предположительно из окрестностей Фесалоник и датируются около 330–300 гг. до н. э. [9, с. 77, кат. 32].
- 21 По мнению Л. И. Бабенко, «вероятно, технологическая сложность изготовления украшений с витым жгутом являлась одной из причин, препятствовавших более широкому их распространению. Нюансами технологии изготовления таких украшений владела ограниченная часть наиболее высококвалифицированных ювелиров, которая

но их конструкции могут отличаться разнообразием. С другой — разные варианты конструкции и подражания им свидетельствуют, возможно, о стремлении повторить приемы оформления украшений, с которыми связаны статусные акценты, не стремясь или не имея возможности детально воспроизвести весь процесс их производства и применяя свои технические решения.

Вторая группа: оформления окончаний браслетов в виде головок львов

Анализ памятников, отнесенных к этой группе, сложен в определении близкого круга аналогий, так как подобный способ декора наконечников был весьма популярным для различных украшений²². Вполне вероятно, что если схожий вариант оформления представлял собой достаточно популярный мотив, то он будет зафиксирован на различных предметах²³.

Варианты интересующего нас декора наконечников присутствуют на браслетах. Это уже упомянутые памятники из Северной Греции из собрания Музея Метрополитен [18, р. 85; 9, с. 46, рис. 39], из Темир-Горы [3, с. 493, 495, рис. 3, 4], а также парные браслеты из некрополя Пантикапея из собрания Государственного Эрмитажа²⁴ и из Куриона²⁵, браслет из Тарента²⁶ из собрания Музея Метрополитен, браслеты из Камироса²⁷ и браслет, предположительно сделанный в мастерских Греции²⁸, из собрания Британского музея.

тщательно охраняла профессиональные секреты. Но наличествуют и иные факторы, обусловившие невысокую репрезентативность подобных украшений в погребениях. Отчасти это можно объяснить ограблением значительного числа могил» [3, с. 501].

- 22 Как было отмечено В. Г. Петренко, «гривны <...> обычно выполнены из золота или электра и украшены изображениями зверей. Наиболее излюбленным мотивом изображения являлся припавший к земле хищник кошачьей породы и *голова льва* (курсив наш. — С. З., Г. К.)» [10, с. 41].
- 23 Популярность этого мотива, воспринимаемого как обязательный, ассоциирующийся с работами греческих ювелиров, приведет к тому, что при изготовлении подделок он будет использоваться; см.: [19].
- 24 Одна пара браслетов (серебряные с золотыми наконечниками) из каменной гробницы 1854 г., датируется 400–380 гг. до н. э. [9, с. 156, кат. 96; 4, с. 80], другая, выполненная из золота, — из раскопок А. Е. Люценко в 1867 г., датируется второй половиной IV в. до н. э. [5, с. 104].
- 25 В собрании Музея Метрополитен хранятся четыре аналогичные пары. Происходят из Куриона, датируются 450–400 гг. до н. э. и, предположительно, изготовлены на Кипре [9, с. 250, кат. 189].
- 26 Предположительно происходит из Тарента, датируется около 300 г. до н. э. [9, с. 218, кат. 152].

Оформление наконечников в виде львиных голов встречаются также на подвесках²⁹, серьгах³⁰, ожерельях³¹, гривнах³², пекторалях³³.

Многие из приведенных примеров имеют также и общие технологические приемы: они выполнены из двух тисненых половинок листового золота, затем детали, вероятно, моделировались вручную, как-то грива, нос [9, с. 250; 5, с. 80], на некоторых наконечниках клыки и язык напаяны отдельно.

По нашему мнению, при выборе аналогий их близкий круг должен быть определен не столько размещением на конкретном типе украшения и близкой техникой исполнения, сколько максимальной приближенностью анализируемым наконечникам с точки зрения стилистики исполнения отдельных деталей, прежде всего в оформлении гривы, морды и пасти.

- 27 Бронзовый браслет с посеребрением с золотыми наконечниками в виде львиных голов (inv. 1861.1024.25). Датируется 700–600 гг. до н. э. (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1861-1024-25; дата обращения: 20.02.2022); серебряный браслет с золотыми наконечниками в виде львиных голов (inv. 1860.0201.91). Датируется 700–600 гг. до н. э. (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1860-0201-91; дата обращения: 20.02.2022).
- 28 Золотой браслет с наконечниками в виде львиных голов (inv. 1978.1002.401). Предположительно выполнен в Греции и датируется IV в. до н. э. (?) (URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_1978-1002-401; дата обращения: 20.03.2022).
- 29 Например, подвески, предположительно происходящие из Акарнании (inv. GR 1919.6-21.1) [9, с. 55, кат. 8] и с о. Родос (inv. GR 1885.12-13.45) [9, с. 88, кат. 39] из собрания Британского музея, из Куриона [9, с. 249, кат. 187] из собрания Музея Метрополитен, датируемые 450–400 гг. до н. э.; ушные подвески из некрополя Ольвии, датируемые третью четвертью VI в. до н. э., из собрания Государственного Эрмитажа [5, с. 44].
- 30 Например, пара серег из Херсонеса — предположительно работа мастерских Южной Италии, датируемая 300–280 гг. до н. э., из собрания Государственного Эрмитажа [9, с. 198, кат. 132]; серьга из собрания Музея Метрополитен, датируемая 320–300 гг. до н. э. [21, р. 35, fig. 2; 9, с. 215, кат. 148].
- 31 Например, золотое ожерелье-цепочка, происходящая предположительно из Капуи и датируемая около 300 г. до н. э., из собрания Британского музея [9, с. 216, кат. 149]; золотое ожерелье-цепочка (?) из кургана 2 погребения 2, датируемого V в. до н. э., у с. Корнеевка [11, с. 200, 764, рис. 116]; золотые ожерелья со звеном в виде гераклова узла из некрополя Херсонеса [5, с. 210, 214], ожерелье из кургана Большая Близица, датируемое около 330–300 гг. до н. э. [9, с. 188, кат. 121] из собрания Государственного Эрмитажа.
- 32 Например, уже упомянутый обломок гривны из кургана Куль-Оба [3, с. 493, 495, рис. 3, 1], гривна из кургана Солоха [6, с. 56, кат. 33]. Ю. А. Виноградов также упоминает, что в кургане Патиниоти «сохранившиеся рисунки находок позволяют считать, что, несмотря на сравнительную скромность обнаруженных здесь вещей, они имеют явные переключки с куль-обскими: золотая гривна, украшенная на концах львиными головками...» [3, с. 164].
- 33 Например, пекторали из каменной гробницы 4 кургана Большая Близица второй половины IV в. до н. э. из собрания Государственного Эрмитажа [5, с. 188], из Толстой Могилы [8, с. 170, ил. 148].

Декорировка львиными головами различных украшений получила широкое распространение в античной ювелирной продукции и стала достаточно частым явлением. Применение наконечников подобной формы, возможно, было спровоцировано модой, определенной сакральной функцией производимой вещи, статусностью заказчика и т. п., что, в свою очередь, породило потребность включения их в свой «репертуар» различными мастерами/мастерскими. Изначально работа в рамках условной передачи львиной головы с ощеренной пастью, определенные мастера либо мастерские в почете важных деталей, как-то гривы, морды, нарабатывали свои стилистические приемы или подражали тем, которые стали наиболее востребованными, образцовыми. При повторяемости подобного рода оформления наконечника исполнитель/группа исполнителей вырабатывали устоявшийся набор стандартизированных, подчас шаблонных, решений.

На базе приведенных примеров хорошо видно, что художественные исполнения популярного декора различны и варьируются от изделий с тщательной проработкой деталей до постепенной редукции в их передаче. Прежде всего обращают на себя внимание различные способы передачи гривы. Не претендуя на полноту классификации, выделим следующие варианты³⁴:

1а) грива передана единым объемом, без деления на ряды, пряди показаны условно, но не с помощью однотипного орнамента³⁵;

1б) грива передана единым объемом, без деления на ряды, пряди показаны условно, в виде однотипных (практически идентичных) орнаментальных узоров³⁶;

2) двухрядная грива с отдельными объемными прядями³⁷;

3а) трехрядная грива с отдельными объемными прядями, показанными условно, но не с помощью однотипного орнамента³⁸;

34 Группа памятников, при исполнении которой грива не выделена в качестве значимой детали и самостоятельного объема — как-то, происходящие из Камироа браслеты бронзовый с посеребрением с золотыми наконечниками в виде львиных голов (inv. 1861.1024.25) и серебряный с золотыми наконечниками в виде львиных голов (inv. 1860.0201.91) из собрания Британского музея — не рассматривается.

35 Парные золотые браслеты из Куриона из собрания Музея Метрополитен [9, с. 250, кат. 189], гривна из кургана Солоха [6, с. 56, кат. 33], пектораль из Толстой Могилы [8, с. 170, ил. 148].

36 Золотая серьга из собрания Музея Метрополитен [9, с. 215, кат. 148]; пара золотых серег из Херсонеса из собрания Государственного Эрмитажа [9, с. 198, кат. 132]; подвеска с о. Родос из Британского музея (inv. GR 1885.12-13.45) [9, с. 88, кат. 39] и ушные подвески из некрополя Ольвии из собрания Государственного Эрмитажа [5, с. 44].

3б) трехрядная грива с отдельными объемными прядями, показанными условно, в виде однотипных (практически идентичных) орнаментальных узоров³⁹.

Решение наконечников на браслете из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина наиболее близко варианту 3б. Но в примерах, соотнесенных с этим типом, присутствует хоть и однотипно орнаментальная, все же достаточно тщательная проработка прядей. Грива на анализируемом памятнике выполнена в другой стилистической манере: в виде шести параллельно расположенных рядов выпуклых разных по размеру точек. Подобный прием, возможно, является очень схематичной передачей трехрядной гривы, отдельные пряди которой сведены к единому объему⁴⁰, и разделительных поясков, показанных в виде точек меньшего размера. Вы скажем предположение, что в рассматриваемом браслете присутствует крайне редуцированная презентация художественных решений, отмеченных для варианта 3б, возникшая в результате отсутствия последующей доработки оттиска либо некачественности таковой⁴¹. Причин этому может быть несколько: качество выучки исполнителя и/или исходного образца, технические возможности мастера/мастерской и т. д.

Далее обратим внимание на исполнение отдельных деталей морды зверя. Здесь также следует признать отличительной (стилистической?) особенностью браслета из ГМИИ им. А. С. Пушкина, как и в случае с описанием гривы, сильную редукцию важных элементов. Прежде

37 Браслет из Северной Греции [18, р. 85; 9, с. 46, рис. 39] и браслет из Тарента [9, с. 218, кат. 152] из собрания Музея Метрополитен; подвеска, предположительно происходящая из Акарнании из Британского музея (inv. GR 1919.6-21.1 [9, с. 55, кат. 8]; золотое ожерелье-цепочка, происходящая предположительно из Капуи из собрания Британского музея [9, с. 216, кат. 149]; золотое ожерелье из кургана Большая Близница, датируемое около 330–300 гг. до н. э. [9, с. 188, кат. 121] из собрания Государственного Эрмитажа.

38 Золотое ожерелье со звеном в виде гераклова узла из некрополя Херсонеса конца IV в. до н. э. [5, с. 210]; пектораль из каменной гробницы 4 кургана Большая Близница второй половины IV в. до н. э. из собрания Государственного Эрмитажа [5, с. 188].

39 Браслеты серебряные с золотыми наконечниками [9, с. 156, кат. 96; 5, с. 80] и золотые [5, с. 104] из некрополя Пантикапея; браслет из Темир-Горы [3, с. 493, 495, рис. 3.4]; обломок гривны из кургана Куль-Оба [5, с. 493, 495, рис. 3.1]; золотое ожерелье-цепочка (?) из кургана 2 погребения 2, датируемого V в. до н. э., у с. Корнеевка [9, с. 200, 764, рис. 116], золотые ожерелья со звеном в виде гераклова узла из некрополя Херсонеса [5, с. 210, 214].

40 В связи с данным замечанием следует обратить внимание на схематичное решение гривы на наконечнике бронзовой матрицы из поселения у с. Драгоева [7, с. 357, ил. 148, 1].

41 Отметим, что еще более редуцированное и/или некачественное решение можно видеть в оформлении наконечника на золотом ожерелье-цепочке (?) из кургана 2 погребения 2, датируемого V в. до н. э., у с. Корнеевка [11, с. 200, 764, рис. 116].

всего отметим отсутствие детализации в передаче мест расположения вибриссов над верхней губой, которые обычно показаны четырьмя параллельными рельефными линиями, иногда с точками. Обозначены, но не проработаны дополнительно детально нос, ухо, надбровные дуги.

В качестве не менее важной стилистической черты можно выделить способ окаймления львиной пасти. Варианты оформления пасти отличаются большим разнообразием: от детальной натуроподобной проработки до сведения к условному недетализированному объему в виде схематичного валика. Последний из упомянутых способов окаймления пасти присущ анализируемому памятнику. Подобное решение близко тому, что можно наблюдать на ушных подвесках из некрополя Ольвии из собрания Государственного Эрмитажа [5, с. 44], на золотой подвеске из Куриона из собрания Музея Метрополитен [9, с. 249, кат. 187], на браслетах из Термир-Горы [5, с. 493, 495, рис. 3, 4], на обломке гривны из кургана Куль-Оба [5, с. 493, 495, рис. 3, 1]⁴².

Изображение зубов в рассматриваемом памятнике также предельно схематично и передано только обозначением двух верхних и нижних клыков.

Подводя промежуточный итог работе со стилистическими приемами, использованными при оформлении наконечников в виде львиных голов, отметим, что в браслете из ГМИИ им. А. С. Пушкина применены крайне редуцированные способы их презентации, известные по памятникам Боспора и прилегающих к нему территорий с конца V по IV в. до н. э.

Третья группа: способы орнаментального оформления фризов втулки

Эта группа самая многочисленная, т. к. способы декорирования, использованные в оформлении втулки браслета из ГМИИ им. А. С. Пушкина, можно отнести к популярным, часто встречаемым в ювелирном деле V–IV вв. до н. э. и, следовательно, принимаемым за стандартизированные.

Показателен с точки зрения применения устоявшихся приемов орнамент из пальметт, оформляющий широкий фриз втулки и пред-

42 Обратим внимание на то, что подобный прием окаймления пасти присутствует в оформлении происходящих из Камироса браслетов из собрания Британского музея.

ставляющий собой повторение ставших шаблонными сочетаний отдельных элементов. Как отмечает М. Ю. Трейстер, декор в виде пальметт «получил достаточно широкое распространение в рассматриваемую эпоху (IV в. до н. э. — С. З., Г. К.), когда он используется в вазописи, архитектурном декоре, в торежке и ювелирном деле» [8, с. 119]. Пальметты в различных вариациях встречаются в оформлении втулок практически на всех уже упомянутых в тексте статьи предметах, показывая то, что памятники иллюстрируют применение крайне популярных элементов декора с набором устоявшихся технических решений. Список ювелирных изделий, использующих пальметты, может быть продолжен и будет представлен как греческими ювелирными изделиями, так и продукцией, произведенной в различных областях греческого влияния — в Южной Италии, Малой Азии, Северном Причерноморье. К таким же популярным и технически отработанным элементам, как пальметты, относится и спиралевидный орнамент на широкой втулке.

По нашему мнению, при выделении наиболее релевантных аналогий необходимо учитывать не столько наличие определенных орнаментов, сколько конкретные повторяющиеся их сочетания друг с другом. Как утверждают Дж. Огден и Д. Уильямс, «даже в тех случаях, когда для выполнения орнаментов применяются одни и те же технические приемы и узоры, вариативность в размещении элементов и тщательности исполнения дают совершенно различный результат» [9, с. 25–26].

Филигранный узор, построенный на сочетании только пальметт и спиралевидного орнамента, может быть выделен в оформлении втулки на примере достаточно ограниченного круга памятников. К ним стоит отнести уже упомянутые наконечники золотых ожерелий из кургана Большая Близница [9, с. 188, кат. 121] и некрополя Херсонеса [5, с. 214], спинку золотой фибулы [9, с. 217, кат. 151]⁴³, золотые серьги ладьевидные [9, с. 213, кат. 146]⁴⁴ и в форме полумесяца с филигранным узором [9, с. 230, кат. 162]⁴⁵ из Британского музея.

Применение подобного варианта филигранного узора на разных по характеру исполнения памятниках не дает возможности сделать вывод о его связи с конкретными устоявшимися стилистическими

43 Фибула неизвестного происхождения, датируется 330–300 гг. до н. э. [9, с. 217].

44 Серьги предположительно происходят из Тарента и датируются 340–320 гг. до н. э. [9, с. 213].

45 Происходят из гробницы 73 в Курионе и датируются 450–400 гг. до н. э. [9, с. 230].

решениями и местом производства. Вполне допустимо, что определенное сочетание было обусловлено целым спектром причин: размерами и формой декорируемого предмета, вкусом заказчика, хотя нельзя также исключить стилистические и технологические предпочтения самого исполнителя либо определенной мастерской.

Филигранный узор, подобный по стилистическим и композиционным решениям тому, что представлен в оформлении широкого фриза втулки браслета из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, пока обнаружить не удалось, и, следовательно, пока применять этот критерий как маркер определенного центра производства не получится.

Как возможный индикатор времени бытования применяемых филигранных узоров может выступать сочетание техник, используемых при их исполнении. Согласно предположению, высказанному Дж. Огденом и Д. Уильямсом, сочетание в филигранном узоре гладкой круглой в сечении, рубчатой и витой проволоки обычно встречается в изделиях, выполненных после 400 г. до н. э. [9, с. 25]. Но и в этом случае мы сталкиваемся с очень широкими рамками и гипотетически возможно определить только нижнюю временную границу, не исключая при этом варианты, связанные с применением так называемых архаизирующих традиций исполнения.

Оформление первого узкого фриза также следует отнести к шаблонным приемам, активно применяемым в античном ювелирном деле в ряде центров в IV в. до н. э. Но, принимая во внимание важность не столько применения проволоки определенного рисунка, сколько принцип их взаимосочетания, обратим внимание на то, что наиболее близкие примеры могут локализоваться в предметах, изготовленных в восточногреческих центрах, особенно тех, что происходят из мастерской/мастерских Кимы⁴⁶. Интересно заметить, что подобное сочетание далее присутствует достаточно часто в памятниках Северного Причерноморья⁴⁷ и в единичных случаях в предметах, происходящих с других

46 Например, происходящие из Кимы пара золотых серег с диском и пирамидкой [9, с. 22, рис. 18, с. 25, рис. 23, с. 96, кат. 49, с. 97, кат. 50] и серьга со штифтом [9, с. 98, кат. 51], датированные 330–300 гг. до н. э. из собрания Британского музея.

47 В качестве примеров приведем уже упомянутые золотое ожерелье с тремя рядами подвесок из кургана Большая Близница, золотые ожерелья с геракловым узлом и львиными головами из Херсонеса, обломок гривны из кургана Куль-Оба, гривну из кургана Солоха, золотые браслеты с головками львов из некрополя Пантикапея, а также золотую гривну с окончаниями в виде скифских всадников [9, с. 137, кат. 81; 5, с. 497, рис. 5, 1]

территорий⁴⁸. В связи с близостью принципов сочетания элементов, слагающих первый узкий фриз, между памятниками из восточногреческих центров и Северного Причерноморья следует вспомнить о неоднократных волнах переселения мастеров из Лидии, ионических центров в города Северного Причерноморья еще в VI в. до н. э.⁴⁹

В оформлении второго узкого фриза, орнаментированного чередующимися овальными элементами, очень условно имитирующими поясок ов (ионик), так же как и в широком фризе втулки, используется популярный вид орнамента. По характеру бытования декор в виде пояска ов (ионика) схож с теми качествами, которые были выделены выше при анализе орнамента в виде пальметты. И следовательно, в этом случае также станет крайне затруднительным подбор релевантных аналогий. Полагаем, что в оформлении второго узкого фриза важным индикатором отбора могут стать формы отдельных деталей и способ их соединения между собой. Имитация пояска ов в рассматриваемом браслете не обладает тщательностью в воспроизведении устоявшегося шаблона, так как в отличие от классических образцов орнамент не составлен из отдельных элементов и больше напоминает вытянутую по вертикали волнистую линию, выполненную из единой, неразделенной на самостоятельные сегменты проволоки. На сегодняшний день не удалось обнаружить аналогий, которые напоминали бы рассматриваемый нами вариант орнамента. В связи с этим возникает правомерное сомнение в определении этого варианта как имитацию пояска ов (ионика). Не исключено, что в оформлении второго узкого фриза используется иной вариант декора, который может быть условно определен как волнообразный. Но принимая подобную трактовку формы орнамента, к сожалению, констатируем, что аналогий ему также не обнаружено⁵⁰.

и золотую втулку пробирного камня [9, с. 142, кат. 84] из кургана Куль-Оба, пару золотых серег со штифтами, украшенных растительным орнаментом, происходящую с Таманского полуострова и датированную 350–300 гг. до н. э. [9, с. 172, кат. 109], подвеску-коробочку в виде головы быка из некрополя Пантикапея [5, с. 92], ожерелье с урновидными подвесками из склепа I кургана Большая Близница [5, с. 170], подвески спиралевидные из окрестностей Керчи конца V — начала IV в. до н. э. [5, с. 82] из собрания Государственного Эрмитажа, браслет из Трехбратнего кургана [8, с. 115, ил. 94].

48 Например, пара золотых серег с диском и подвесками, происходящая из Куриона и датированная 350–300 гг. до н. э. из собрания Музея Метрополитен [9, с. 242, кат. 177].

49 О свидетельствах этих контактов см. подробнее: [13].

50 Отдаленно орнамент, декорирующий второй узкий фриз, напоминает решение верхней зоны на паре ладьевидных золотых серег с гроздьё шариков, предположительно происходящих из Тарента и датированных 340–320 гг. до н. э. [9, с. 213, кат. 146].

Подводя итоги работе с этой группой аналогий, заметим, что наиболее информативной для атрибуции рассматриваемого памятника стала группа памятников, связанных с декором первого узкого фриза втулки браслета, позволившая высказать предположение о месте его производства, сосредоточенном в городах Северного Причерноморья. Аналогии для широкого фриза позволили дополнить гипотезу, озвученную ранее, о наиболее близкой дате производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детальное описание браслета из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина и проведенная на его базе работа с аналогиями позволяют сделать вывод о том, что атрибутируемый предмет является воспроизведением известных и популярных в греческом ювелирном искусстве IV в. до н. э. образцов. Свидетельством этого может выступать ряд технико-технологических приемов, таких как вероятное применение формера, заполнение объемных деталей веществом светлого цвета, а также выделенные типы проволок, использованные в филигранных узорах, и их диаметр; употребление ставших шаблонными орнаментальных элементов (таких как пальметты, пояски из проволок разного профиля); оформление наконечников в виде популярных мотивов и способы их исполнения.

Работа с аналогиями, объединяющими способы оформления основы обруча браслета, позволила сузить территориальные рамки и поставить вопрос о месте производства, связанном с центрами Северного Причерноморья. Этот вывод был подтвержден при анализе типов оформления львиной гривы и первого узкого фриза втулки.

Также анализ близкородственных примеров по определенному набору орнаментальных элементов и их исполнения позволил еще раз объективно говорить о дате рассматриваемого браслета — IV в. до н. э.

Однако в ходе анализа памятника неоднократно указывалось на то, что его художественное решение не обладает тщательностью отделки основных деталей, сводится к передаче достаточно схематически обозначенных элементов, подчас искажающих исходный образец (как, возможно, в случае показа гривы и имитации пояска ов), что, вероятно, является результатом не слишком качественного воспроизведения исходного образца. Подобный тезис позволяет высказать предположение, что браслет мог быть изготовлен мастером, знакомым с продукцией

греческих ювелиров Боспора, так как применяются приемы, близкие тем, что используют высококвалифицированные мастера, но не тождественные им. По нашему мнению, ответ на вопрос о месте производства может предполагать как работу местного мастера непосредственно в мастерских Боспора, так и изготовление браслета под влиянием греческих ювелиров в сопредельных центрах. Выскажем предположение, что более широкие территориальные рамки, как-то центры Северного Причерноморья, могут представляться более подходящими.

Проведенная атрибуция и сделанные выводы предварительны. Для их уточнения/подтверждения необходимы более детальные исследования, связанные с типологизацией орнаментальных мотивов (прежде всего пальметт), выявлением наиболее близких приемов, используемых при их исполнении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабенко Л. И.* Конструкция и техника изготовления жгута гривны из Куль-Обы // *Клочко Л. С., Полидович Ю. Б., ред.* Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Фенікс, 2018. С. 30–47.
2. *Бабенко Л. И.* Витые и ложновитые шейные украшения боспорских торевтов // *Проблеми історії та археології України. Матеріали XI Всеукраїнської наукової конференції.* Харків, 2018. С. 13–14.
3. *Бабенко Л. И.* Витые и ложновитые шейные украшения из мастерских боспорских торевтов // *Археологія і давня історія України.* 2019. Вып. 2 (31). С. 493–505.
4. *Виноградов Ю. А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // *Зинько В. Н., отв. ред.* Боспорские исследования, XXXIV. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 112–223.
5. *Калашник Ю. П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.
6. *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987.
7. *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и в Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014.
8. *Мозолевський Б. М.* Скіфський степ. Київ: Наукова думка, 1983.

9. *Огден Дж., Уильямс Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995.
10. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д4–5. М.: Наука, 1978.
11. *Полин С. В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014 (Серия «Курганы Украины». Т. 3).
12. *Русяева М. В.* Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 434–443.
13. *Трейстер М. Ю.* Ионийские ремесленники – скифам // Вестник древней истории. 1998. № 4 (227). С. 130–141.
14. *Трейстер М. Ю.* Некоторые наблюдения о вещах и их декоре в инокультурных контекстах (на примере памятников художественного металла с территории Боспорского царства и сопредельных областей) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников и находок. Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 83–93.
15. *Трейстер М. Ю.* Изделия из бронзы, кости и украшения // *Трейстер М., ред.* Трехбратние курганы. Курганный группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь–Бонн: Универсум, 2008. С. 105–122 (Серия «Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе». Т. 3).
16. *Трейстер М. Ю.* Гарнитуры из ювелирных украшений и сервизы из драгоценных металлов в погребальном обряде Боспора классического и раннеэллинистического времени // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб.: Палаццо, 2016. С. 51–56.
17. *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-горе // Советская археология. 1972. № 3. С. 259–267.
18. *Gómez-Moreno C.* Gold // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1972/1973. Vol. XXXI. No. 2.
19. *Hoffmann H.* “Greek Gold” Reconsidered // American Journal of Archaeology. 1969. Vol. 73. No. 4. Pp. 447–451.

20. *Oliver A. Jr.* Greek, Roman, and Etruscan Jewelry // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1966. Vol. XXIV. No. 9. Pp. 269–284.
21. *Richter G. M. A.* Greek and Roman Jewelry Recent Accessions // The Metropolitan Museum of Art Bulletin. 1924. Vol. XIX. No. 2. Pp. 34–38.